

ЧЕХОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Представьте себе: 72-летний японский господин играет 19-летнюю гейшу О-Хацу. Его 40-летний сын исполняет роль влюбленного в гейшу юноши. Что это — недостаток молодых актрис в Стране восходящего солнца? Отнюдь.

Просто это театр кабуки со спектаклем "Самоубийство влюбленных в Сонэдзакэ", приехавший в Москву, на Чеховский театральный фестиваль. И такое "специфическое" распределение ролей не что иное, как дань многовековым традициям. В кабуки все выверено годами, каждое движение отточено, и любая смена выражения лица отретпетирована тысяча раз.

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Театру кабуки 400 лет. Все роли исполняют мужчины. Как и четыре века назад, они носят традиционные японские кимоно, парики и накладывают на лицо, и на тело особый белый грим. И так же, как тогда, действие спектакля проходит под звуки трехструнного инструмента с заковыристым для европейского уха названием — сямысэн. А степенный повествователь — гидаю — озвучивает историю, происходящую на глазах зрителей. И пока за стенами МХАТа им Горького несется бешеная жизнь, на сцене стрелки часов поворачивают назад, и время замирает, чтобы с головой окунуть зрителей в любовь юных О-Хацу и Токубэя и заставить почтенную публику всплакнуть от сочувствия к влюбленным. Потому что в финале они умирают, боясь быть разлученными.

Вот так все серьезно. Потому и разговор с Гандзиро-саном, тем самым 72-летним господином и ведущим актером театра, не мог не взять ноту неторопливой величавости.

КАБУКИ — ДЕЛО ТОНКОЕ Накамура Гандзиро III: "Вне сцены мы вполне современные люди"

— Гандзиро-сан, вы с вашим сыном играете влюбленных. Ситуация довольно специфическая, по крайней мере для русского зрителя. А вы сами ощущаете эту странность?

— Когда ты на сцене, отношения отец—сын отступают, остаются лишь старший и младший товарищ. Мы играем вместе уже более 10 лет, это дань древней традиции. Кроме того, я специально учился выражать женские эмоции, поэтому не чув-

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

ствую себя странно.

— Насколько нам известно, вы исполняете роль О-Хацу уже полвека. Вы наверняка изменились. А ваша героиня менялась вместе с вами?

— Я думаю, что нет, ведь произведение остается прежним все это время. Хотя зрители, возможно, думают по-другому.

— На сцене вы носите очень красивый наряд. Иногда поверх одного кимоно надето другое, как, например, в сцене

бегства влюбленных из чайного дома. А вам удобно передвигаться в таком многослойном костюме?

— Ну мы же проводим огромное количество репетиций в костюмах, и потом, вы сами сказали, что я играю О-Хацу уже 50 лет. У меня есть и другие женские роли. Так что к своему наряду я привык и знаю, как с ним обращаться.

— А из чего шьют традиционные японские кимоно?

— Только из натурального шелка.

— В ваших костюмах есть "говорящие" детали?

— Да. Например, по ним можно определить социальный статус героя. У тех, кто исполняет роли простых людей, кимоно обыкновенное, тонкое. А те, кто обладает высоким статусом, носят расшитые кимоно.

— Ваш белый грим на лице, руках, ступнях — это что-то вроде пудры?

— Да, но такой грим характерен не только для кабуки, а, например, для традиционного японского танца тоже. Тут есть одна тонкость: часто белый грим носят положительные герои, а красный — отрицательные.

— Когда вы плачете на сцене, с вашим лицом все в порядке. Грим что, такого высокого качества?

— Да, он рассчитан на это. И мы ведь плачем не по-настоящему.

— Сколько времени уходит на то, чтобы загримироваться?

— На женский грим — около 30 минут, а если с костюмом — то 40.

— Известно, что в начале 80-х вы организовали труппу "Тикамацу-дза", и в ее создании сыграл какую-то роль великий английский актер Лоуренс Оливье. Это правда?

— Да, правда. С Оливье-саном мы встретились в Манчестере, когда он играл Шейлока в "Венецианском купце". Я зашел к нему в гримерную, рассказал о своей идее. Дело в том, что в Англии есть Шекспир и

труппы, которые ставят только его пьесы. Тикамацу Мондзаэмон (он жил 350 лет назад) — это японский Шекспир, и мне показалось, что было бы здорово, чтобы и в Японии появилась такая труппа. Оливье, будучи уже в гриме, пожал мне руку. У него очень крупная рука, это было сильное, крепкое рукопожатие, и оно только укрепило меня в моей решимости заняться созданием труппы "Тикамацу-дза".

— Гандзиро-сан, это правда, что в Японии не принят поклон после спектакля, и вы делаете его специально для русских зрителей?

— Правда. У нас просто закрывается занавес, и спектакль на этом заканчивается.

— Что, и цветов не дарят?

— Не дарят. Мы думаем, что если все заканчивается трагично, то потом выходить на сцену и улыбаться очень сложно. Да и атмосфера, созданная спектаклем, разрушается.

— Актерские династии в кабуки — дело обычное. А что делать тому, кто не принадлежит к такой династии, но хочет стать актером кабуки?

— Это возможно, и такое часто бывает. Нужно обладать голосом и навыками традиционного японского танца. Вот и все.

— В 1996 году вам было присвоено звание "живое национальное достояние". Через два года будет присвоено имя великого Саката Тодзюро. Вы как-то готовитесь к этому событию?

— Специально нет. Но это, конечно, большая честь для меня, и я чувствую еще большую ответственность.

— А вне сцены "живое национальное достояние" похоже на обыкновенных людей?

— Конечно, мы обычные современные люди. Вчера вот в ресторане были, борщ ели. Очень вкусно.

Светлана ОСИПОВА.